

В.Н. ТАРАСЕВИЧ, д.э.н., профессор,
 Национальная металлургическая академия Украины, г. Днепропетровск

СОБСТВЕННОСТЬ: РОЖДЕНИЕ И ДЕТСТВО

Для многих претендующих на суперсовременность *after*-постмодернистских построений характерен старый, как этот мир, изъян: брать изучаемый экономический феномен в его непосредственной темпоральной данности и видимости, не утруждаясь историческими, каузальными, генетическими и, тем более, неэкономическими изысканиями. Феномен собственности не является исключением. Нижеследующие заметки рождались в попытках борьбы с этим изъяном. Внимание акцентировано на деятельностном и институциональном контексте отношений присвоения в период их рождения и детства, ибо утверждающиеся в это время *родовые* черты собственности остаются с нею и в юности, и в зрелости.

Протонеолит

Известное утверждение об изначальности исключительно общественной (коллективной) собственности в условиях первобытного коммунизма основано на ее неосознанном отождествлении со стадным собственническим инстинктом в отношении кормовой территории. Собственность – прежде всего *общественное* отношение, а потому предполагает определенный уровень индивидуального, *личностного* развития членов общины. В этом смысле эволюция собственности и эволюция человека, его жизнедеятельности взаимоположны, а процесс превращения проточеловека в человека является и процессом трансформации собственнического инстинкта и протособственности в собственность. Одним из свидетельств зарождения сущностных человеческих сил (СЧС) у проточеловека выступают цепочки целенаправленных действий и паттерны. Эти *преддеятельностные* СЧС так же, как и орудия труда изначально становятся объектом и протоличного, и протоколлективного (благодаря механизму подражания) присвоения. Вполне правомерно предположение о соответствующем этапе невыделенности проточеловеческой особи из проточеловеческой общности господстве *индивидуальной* и *коллективной протособственности* на примитивные проточеловеческие сущностные силы, орудия преддеятельности и кормовую территорию, поскольку каждый член общности был в принципе способен на их примитивное присвоение в форме использования. Каждый был таким же «сособственником» этих

объектов, как и любой другой.

Усложнение условий и постепенная индивидуализация охоты, прежде всего на средних и мелких животных, начало их одомашнивания, появление лука и стрел, многочисленных микролитов, углубление специализации орудий труда теперь уже как доминирующих рабочих органов человека, освоение все менее благоприятных территорий, постепенный переход ряда общин к сезонно-оседлому образу жизни сопровождалось кардинальными сдвигами в протожизнедеятельности и протоинститутах.

Преддеятельность становится все более регулярной, систематичной, осознанной и разделенной, начинает развиваться на своей собственной – не инстинктивной или метаинстинктивной – основе и в этом смысле рождает *деятельность*. В то же время в метаповедении происходит дальнейшее усложнение бессознательных инстинктивных реакций, более значимым становится чувственное сознательное и соответствующее ему подсознательное начало. Это означает появление *человеческого* поведения. В меру указанных изменений *протожизнедеятельность трансформируется в жизнедеятельность*. В ряду условий и предметов последней все более заметное место начинает занимать искусственная, рукотворная природа. По-прежнему основная масса орудий изготавливается из предметов природы, но уже систематическим становится применение в этих целях искусственных орудий. Протособственность уступает исторические позиции собственности.

С усложнением паттернов и орудий, их спонтанным и постепенным закреплением за отдельными членами общности и невозможности такого же эффективного присвоения иными членами коррелирует вполне определенный уровень *личностного* развития последних и соответствующее этому уровню *личное присвоение*. Та группа сущностных сил и орудий, которая в силу своего примитивного содержания могла быть использована любым членом общности, оставалась объектом *индивидуально-коллективного* присвоения. Более сложные сущностные силы и орудия, конституирующие ту или иную первобытную *личность*, становились объектом *личного* и *коллективного* при-

© В.Н. Тарасевич, 2010

.....
<http://www.donntu.edu.ua> / «Библиотека»/ «Информационные ресурсы»

<http://www.instud.org>, <http://www.nbu.gov.ua/portal/natural/Npdntu/texts.html>

своения. Таким образом, тот или иной член общности мог быть одновременно субъектом индивидуального и личного присвоения.

В самом присвоении обнаруживаются некоторые структурные составляющие – весьма неопределенные прообразы современных правомочий собственности. Например, изготовителем примитивного орудия мог быть один из членов общности, пользователем – другой, а порядок использования орудия и распоряжения им и соответствующими продуктами (например, добычей) мог устанавливаться определенными протоинститутами и их наборами. На мой взгляд, в этом контексте феномен так называемой «групповой» собственности мужчин и женщин предстает как преимущественное использование мужчинами и женщинами общинных орудий охоты и собирательства соответственно.

Одновременно с СЧС и орудиями труда объектом собственности становится земля, но уже как всеобщее средство и предмет жизнедеятельности, а не просто как обычная кормовая территория. Вероятно, эволюционные линии указанных трех объектов собственности взаимоположны, что не исключает изначально возникающих особенностей их присвоения. Земля безусловно является коллективной собственностью первобытной общины. Но каждый член последней в меру своей «человечности» – такой же сособственник земли, как и любой иной.

Растущая вследствие применения более совершенных и специализированных орудий производительность труда¹ делает возможной постепенную трансформацию поочередного использования части общинных земель и скота большими семьями в так называемую *обособленную собственность*, которая «состоит в преимущественном отношении к данным скоту или земле (средствам производства) как к своим со стороны членов данного домохозяйства и в *косвенном* отношении к ним как своим всех остальных домохозяйств общины»². Очевидно распоряжение средствами производства остается за общиной, а пользование и владение значительной их частью становится прерого-

вой больших семей. Сфера индивидуального присвоения, как полного соприсвоения каждым членом общности коллективных объектов, постепенно сужается, сфера же *личного* присвоения расширяется в меру развития сущностных человеческих сил (СЧС) и орудий труда.

Неолит

В неолите прогрессирующее разделение жизнедеятельности детерминирует усложнение процессов присвоения. В результате социальной стратификации появляются его новые многочисленные реальные либо формальные *субъекты*, а условия, процесс, средства и результаты каждого вновь возникшего вида жизнедеятельности становятся *объектами* соответствующих видов присвоения. Разделение жизнедеятельности, социальная стратификация и присвоение взаимоположны, а потому известный тезис о возникновении в период неолитической революции основ частной собственности должен не абсолютизироваться, а подвергнуться дополнительному осмыслению.

Прежде всего, в неолите стали более определенными и устойчивыми наметившиеся ранее различия во взаимосвязанных процессах присвоения в опредмечивании и очеловечивании. В эпоху господства первичной перемены протожизнедеятельности и появления начальных форм разделения последней примитивное индивидуальное и личное присвоение было вплетено в контекст коллективного и определялось им. В последующем обособление видов опредмечивания сопровождалось укреплением позиций так называемой обособленной собственности, содержанием которой, на мой взгляд, является «существование» и взаимодополнение личного пользования и даже владения и коллективного распоряжения средствами и результатами опредмечивания. Неустойчивому, в известном смысле, спорадическому *обособлению* видов опредмечивания соответствует *относительное экономическое обособление* больших и малых семей, освоение ими таких (пока еще не развитых) составляющих присвоения, как пользование и владение. Устойчивое, постоянное и систематическое обособление видов опредмечивания в эпоху неолита сопровождается постепенным усилением экономического обособления и обретения им все более завершенных форм. Трансформация личного присвоения в частное ускоряется, но остается неравномерной.

Частное присвоение орудий труда и продуктов как результатов их применения утверждается ранее всего. Во-первых, по своему материально-вещественному содержанию они в

¹ Здесь и далее труд рассматривается как опредмечивающая деятельность.

² См.: Румянцев А.М. Возникновение и развитие первобытного способа производства. Первобытное воспроизводящее хозяйство (Политико-экономические очерки). – М.: Наука, 1985. – С. 133 – 134.

большей мере адекватны ему, чем земля. В условиях устойчивого разделения жизнедеятельности присвоение орудия одним ремесленником означает неизбежное отчуждение от другого. Отдавая свои инструменты другому, он рискует остаться без средств существования. Во-вторых, характер использования донеолитических и неолитических орудий труда, т. е. их освоения в процессе опредмечивания, тяготеет к преимущественно индивидуальному (семейному). В-третьих, примениться к данному орудью, овладеть соответствующими навыками, умениями, сноровкой было нелегко, но все же гораздо проще, чем также успешно примениться к земле, – наиболее сложному из всех известных к тому времени человеку орудий и предметов труда.

В-четвертых, частной собственности на орудия труда сравнительно просто было получить институциональное санкционирование, поскольку господствовавший длительное время порядок нахождения орудий в личном пользовании и владении фактически был закреплён протоинституционально.

И все же без «перерыва постепенности» не обошлось. Частное присвоение заявляет о себе как о независимом, самодостаточном, никем, кроме его субъекта, не определяемом процессе. Оно не нуждается, в отличие от личного, в присвоении коллективном. Частный собственник – сам себе царь и бог. Отсюда и стремление к творению самоинститута, как способов упорядочения собственной жизнедеятельности. Если самоинституты личного собственника в той или иной мере гармонизировали с мезоинститутами, то самоинституты частного собственника заявляют претензии на доминирование.

В силу указанных обстоятельств индивидуально-коллективное присвоение орудий труда интенсивно вытесняется, а частное присвоение земли существенно запаздывает. Вероятно, в неолите продолжается дробление больших семей, укрепление обособленной собственности и формирование соответствующих предпосылок частной собственности на землю.

В этот же период, с одной стороны, четче обозначились наметившиеся ранее тенденции присвоения в очеловечивании, а с другой, – наметились новые. Первоначально индивидуально-коллективный характер присвоения очеловеченных сущностных сил мог напрямую связываться с их примитивным содержанием (по аналогии с примитивными орудиями труда): первобытная перемена протожизнедеятельности делала возможным и необходимым

их соприсвоение посредством механизмов подражания и примитивного обучения. В неолите очеловеченные сущностные силы стали развитыми в такой степени, что, с одной стороны, уже обнаружили принципиальное несоответствие собственного содержания частному характеру присвоения. Стало достаточно очевидным, что их *присвоение не сопровождается отчуждением* в силу не столько их простоты, сколько принципиально отличного от привычных орудий труда содержания вкупе с соответствующими невербальными и вербальными механизмами трансляции и «по горизонтали» – в пределах одного поколения, и «по вертикали» – от поколения к поколению.

С другой стороны, дифференциация видов очеловечивания, сопровождавшаяся соответствующей социальной стратификацией и дифференциацией очеловеченных сущностных сил, не могла не вызвать различий в присвоении последних. Вероятно, «общечеловеческие» сущностные силы, вобравшие в себя в том числе и базовые, исторически «отшлифованные» протоинституты и институты (например, прообразы будущих моральных норм), обнаружили тенденцию к индивидуально-общественному (коллективному) присвоению³. Сущностные силы, имманентные представителям той или иной социальной группы, стали тяготеть к индивидуально-групповому присвоению. Сущностные силы, обретаемые в результате специализированного распредмечивания орудий и предметов труда в процессе опредмечивания, первоначально становятся объектом личного присвоения, но, обладая способностью присвоения без отчуждения, потенциально являются объектами группового присвоения (прежде всего, в пределах данной профессиональной группы). Очевидно, последнее утверждение верно и для специализированных сущностных сил, обретаемых в процессе очеловечивания.

Если принять во внимание, что институты, в том числе паттерны, *очеловечиваются*, стано-

³ Здесь уместна оговорка. Необходимым условием упомянутого индивидуально-общественного присвоения является определенный уровень самосознания и самоорганизации *общества*, осознание названных базовых институтов как *общественных*. Разумеется, такие условия складываются позднее неолита. В неолите же такой характер присвоения *непосредственно* реализуется в рамках общины и потому может считаться индивидуально-коллективным.

втяся неотъемлемой *составляющей сущностных человеческих сил*, то характер присвоения первых практически не отличается от характера присвоения последних. Микроинститутам адекватно индивидуально-групповое присвоение, мезоинститутам – индивидуально-коллективное, а нано- и самоинститутам – преимущественно личное с потенциальной перспективой индивидуально-группового (кол-лективного)⁴. Но как быть в случае, если формальные институты отторгаются, не очеловечиваются? Объясним ли этот довольно часто встречающийся феномен в категориях «присвоение-отчуждения»? На мой взгляд, имеющиеся исторические материалы, относящиеся к неолитической революции, достаточны только для постановки данной проблемы.

Неолитическая эпоха не дает убедительных массовых примеров частного присвоения очеловеченных сущностных сил и институтов. В связи с этим обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, известное несоответствие характера присвоения орудий труда (частное) и присвоения необходимых для их применения очеловеченных сущностных сил (личное), что, вероятно, является одной из причин нарушений исторического баланса опредмечивания-очеловечивания. Во-вторых, личное присвоение некоторых орудий труда сохраняется; в свою очередь, частное присвоение обнаруживает возможности экспансии на нематериальные блага – результаты «материализации» очеловеченных сущностных сил (например, предметы культа), а также непосредственно на самих людей (рабов).

Постнеолит. Племенной строй

Укрепление властной корпорации племени, а затем и союзов племен субстанционально связано с эволюцией *власти-собственности*. Хотя впервые данный термин был предложен для характеристики средневековых феодальных политико-экономических отношений в Запад-

ной Европе⁵, его содержание более основательно разработано применительно к восточному типу эволюции человечества. Опираясь на «мульк» Ибн-Хальдуна и известные положения К. Маркса об азиатском способе производства, власть – собственность чаще всего определяется как феномен, в котором собственность является функцией владения и власти. Власть-собственность предполагает передачу по наследству должности с ее правами и прерогативами, включая и высшую собственность. Социально-экономической основой власти-собственности государства и государя было священное право верхов на избыточный продукт производителей, а процесс ее становления заключался в постепенной централизации реципрокных отношений, переходе от добровольного обмена к регулируемому старейшиной общины и надобщинными структурами⁶.

Нетрудно заметить, что указанный подход акцентирует внимание на активной, ведущей роли власти, ее первичности по отношению к собственности. На мой взгляд, содержание власти-собственности этим не исчерпывается. Необходимо также учитывать ее изначальность, всеобщность, сложность структуры, этапность эволюции и многоликость.

В самом общем смысле власть-собственность – это противоречивое единство *подчинения и присвоения*, и в этом качестве она не появляется, а проявляется, становится очевидной на определенном этапе общественной эволюции. Рождается же она вместе с человеческой общностью. В изначальной первобытной общине, где все в едином, а единое – во всем, в условиях слиянности природных и общественных феноменов, неперсонифицированности взаимодействий, власть-собственность нелегко обнаружить даже по косвенным признакам. Позже, с появлением межличностных взаимодействий коллективно-индивидуальное присвоение опредмечивания и очеловечивания

⁴ Мера условности различения индивидуально-группового и индивидуально-коллективного присвоения определяется известной условностью различий группы и коллектива. В данной работе предполагается, что в иерархии человеческих общностей коллектив обладает более значимым статусом. В частности, если для группы характерны в большей мере *сходные*, чем *совместные* условия, процесс, орудия, предметы и результаты жизнедеятельности, то для коллектива – в большей мере *совместные*, чем *сходные*. Следовательно, в индивидуально-групповом присвоении более развит узко личностный, эгоистический момент.

⁵ См.: Цирель С. В. «Власть-собственность» в трудах российских историков и экономистов // *Общественные науки и современность*. – 2006. – №3. С. 119 – 122. Фундаментальные разработки проблематики власти-собственности принадлежат Р. М. Нурееву (См., например, *Постсоветский институционализм – 2006: Власть и бизнс. Монография/ Под ред. Р. М. Нуреева*. – Ростов-на Дону: Наука-Пресс, 2006. – С. 10 – 76; Нуреев Р. М. *Россия: особенности институционального развития*. – М.: Норма, 2009. – С. 57 – 109).

⁶ См.: Там же.

практически полностью определяется индивидуально-коллективным подчинением протоинститутам. Протоинституциональность подчинения и присвоения взаимоадекватны.

Разделение деятельности, появление избыточного продукта и первых собственно институтов изменяет ситуацию. Усложнившаяся общинная организация обнаруживает пределы подчинения протоинститутам только лишь посредством протоинститутов. Власть традиций становится недостаточной, и не только в силу появления собственно институтов как не совсем традиций. Начинает выделяться *властная* деятельность – осознанное подчинение и принуждение, а ее главные субъекты – лидеры общин – начинают использовать не только традиционные, но и сознательно сформированные рычаги, в том числе для трансформации традиционного порядка присвоения.

Лидер общины (вождь, старейшина) является олицетворением власти традиций. Это позволяет ему присваивать часть того избыточного продукта, который по необходимости централизуется в интересах всей общины. Кроме такого протоправа на доход, вождь постепенно сосредотачивает в своих руках и такие протоправа собственности, как управление, определение порядка хозяйственного использования земли и скота. Как это ни покажется парадоксальным, но подобные антипротоинституциональные действия опираются на протоинституциональную легитимацию. Во-первых, вождь – такой же, как и любой иной общинник, субъект коллективно-индивидуального присвоения, а потому имеет освященное традицией право на часть необходимого и избыточного продукта. Во-вторых, если сама фигура вождя – сакральна, то и любые ее действия воспринимаются общинниками, прежде всего, в этом контексте. Сам же вождь, вероятно, умело использует в своих интересах протоинституциональные лакуны и противоречия. Поэтому и упомянутый парадокс вполне закономерен.

В любом случае более полное, предпочтительное присвоение протоинститутов вождем (в сравнении с иными членами общины) катализирует и его властную деятельность, и присвоение им *не* протоинститутов, в частности, части избыточного продукта. Под сенью власти протоинститутов рождается и крепнет *персональная* власть вождя и его клана. По мере такого укрепления расширяется и круг протоправ собственности, которые вождь концентрирует в своих руках.

Однако в общине и протоинституцио-

нальное (освященное традицией), и собственно институциональное (определяемое властной и институциональной деятельностью вождя) властное присвоение постепенно расширяющегося круга объектов существенно сдерживается скрепами общинной демократии, а потому *коллективно-индивидуальный* характер власти-собственности делает лишь первые шаги в направлении *корпоративно-персонального* характера. На межобщинном и племенном уровне указанные скрепы становятся гораздо менее значимыми. Их постепенное преодоление, вероятно, стало одним из катализаторов интенсификации контактов лидеров родственных общин. Нужно учитывать еще одно важное обстоятельство. Очевидно степень активности интеграционистских усилий лидеров общин напрямую зависела от объемов получаемой ими личной выгоды. В этом смысле племенная властная корпорация предвещает появление должности вождя как ее вершины.

Таким образом, столкнувшись с общинными ограничениями собственной экспансии, власть-собственность общинных элит сыграла важную роль в становлении и укреплении племенной властной корпорации, а посредством ее – утверждении властного корпоративно-персонального присвоения. Именно корпоративно-персональное, ибо только положение, место и роль в иерархии властной корпорации той или иной персоны определяет объекты и масштабы персонального властного присвоения. Оставаясь протоинституционально зависимой, власть-собственность *постепенно* освобождается из «пут» традиции и проходит в рассматриваемый период последовательно-параллельные этапы властного присвоения растущей части избыточного и необходимого продукта, управления хозяйственным процессом, определения порядка хозяйственного использования земли и скота, верховного распоряжения землей и скотом. Укрепляющаяся экономическая власть с самого начала используется для укрепления политической. «Рука руку моет»! На мой взгляд, взаимное усиление экономической и социально-политической власти является *законом восходящего движения власти-собственности* в условиях родового и племенного строя.

Разумеется, власть-собственность не исчерпывает всего богатства отношений присвоения, в том числе его дифференциации и закрепления выделяющихся таким образом протоправ собственности за отдельными субъектами. К примеру, очевидно, что по мере укрепления пле-

менной организации верховное распоряжение землей и скотом переходит от общины к ее элите и затем – к вождю племени и властной корпорации. В то же время за отдельными членами последней соответственно их положению во властной иерархии закрепляются права частичного распоряжения (например, передача по наследству) и владения участками земли и поголовьем скота. Но подобные процессы характерны не только для власти-собственности.

Агрегат «обособленная собственность семей рядовых общинников» в зрелом племени включает, по крайней мере, следующие составляющие: использование и частичное владение участком земли (определение порядка его хозяйственного использования), распоряжение частью произведенной продукции, распоряжение, владение и использование мелких орудий труда. Это, в частности, означает, что сфера некогда господствовавшего коллективно-индивидуального присвоения опредмечивания сужается. Практически исчезает подобное присвоение общинных орудий труда. Объектом коллективно-индивидуального пользования и отчасти владения рядовых общинников остается нераспределенная между семьями и членами властной корпорации часть земли (луга, леса, болота). Но реальными индивидуальными субъектами такого владения являются уже не все общинники, а, как правило, главы семей. Коллективно-индивидуальным образом используются общинниками общинные и племенные культовые и ритуальные сооружения, некоторые предметы культа, а также протоинституты и институты. Распоряжение же указанными объектами рано или поздно оказывается в руках властной корпорации.

Усложняются опредмеченные и очеловеченные СЧС как объекты индивидуально-группового присвоения. Речь идет об отдельных ремесленных орудиях труда, которыми могут владеть и которые могут использовать все члены соответствующей профессиональной группы; о профессиональных качествах (умениях, навыках), рутинных разных соцобров и профессиональных групп; а также о соответствующих указанным соцобрам и группам микропротоинститутах, микро- и мезоинститутах.

Достаточно выраженным становится частное присвоение рабов, некоторых орудий труда, а также определенной части сельскохозяйственной и ремесленной продукции. В меру полноты частного присвоения указанных объектов соответствующий субъект присвоения формирует собственные самоинституты и рас-

поряжается ими по собственному усмотрению. В отличие от паттернов как наноинституты I рода, самоинституты определяют порядок не производства материальных продуктов, а социальную, политическую и духовную деятельность частного собственника.

Актуализируются и становятся очевидными некоторые дополнительные различия между личным и частным присвоением. Объектом первого выступают только лично продуцируемые данной индивидуальностью СЧС (не суть важно – опредмеченные или очеловеченные). Последнее распространяется, главным образом, на не лично продуцируемые СЧС. Так, распоряжение главой семьи продуктом ее деятельности является преимущественно не личным, а частным. Частное присвоение упорядочивается, прежде всего, экономическими институтами и уж затем – неэкономическими в меру их настройки по критерию экономическим, а его субъектом становится *homo oeconomicus*⁷. Личное присвоение более органично вплетено в контекст взаимодействующих экономических, социальных, духовных и политических институтов, которые в значительной мере конституируют именно личность человека, а не какую-либо ее отдельную составляющую.

Таким образом, рождение и детство собственности является весьма длительным и сложным периодом становления и утверждения субстанциональных оснований, сущностных характеристик, многочисленных видов, форм и соответствующих механизмов присвоения. Изучая современную проблематику собственности, следует помнить, что указанный период обнимает 99/100 длительности Большой истории человечества, а потому прошлое имеет значение.

Статья поступила в редакцию 15.05.2010

⁷ Разумеется, этот признак частного присвоения в рассматриваемый период институциональной эволюции не является преобладающим, но уже достаточно определенно заявляет претензии на будущее доминирование.